

<p>Я уже говорил, что подразумевается здесь под словом сверхнарод, и напомним ещё раз: это группа наций или национальностей, объединённых общей, совместно создаваемой культурой, физиогномически отличной от других. Этнический признак не имеет при этом значения. Достаточно вспомнить случаи, когда из числа наций, составляющих сверхнарод, сразу же выделялась одна как ведущая (например, древнеегипетская; национальностей ведомые – принадлежащие к другому этническому корню – народности Нубии, Напаты, Мероэ), равно как и случаи противоположные: несколько этнически различных наций сочетались в единый сверхнарод так, что передавали друг другу в различные века ведущую роль или же делили её между собой (сверхнарод Индийский, Северо-западный, Дальневосточный, Романо-католический).</p> <p>Совпадая в основном с вековыми очертаниями России, наш народ принадлежит скорее к образованиям первого типа. Полиэтническое происхождение русской нации этому не противоречит: важно то, что на протяжении её истории ведущее значение в сверхнароде, значение мировое, оставалось до сих пор именно за ней, не переходя ни к украинцам, ни к белорусам, ни к народностям Поволжья или Сибири. Сложившись из пёстрых этнических элементов, как в своё время народ Египта, русская нация оказалась, как и он, сильнейшей творческой силой в кругу сочетавшихся с ней в единой культуре меньших народов. (Речь идёт о прошлом и настоящем. Не исключена возможность, что в будущем положение изменится.)</p> <p>Это великое образование последнего тысячелетия было издавна predetermined творческим замыслом народоводительствующих иерархий – российского демиурга и</p>	<p>CHAPTER 1. KIEV RUS AS A METAHISTORICAL PHENOMENON</p> <p>I have already defined “suprapeople” but shall do this again: it is a group of nations or nationalities bound with an overarching, jointly created culture physiognomically distinct from others. Ethnicity doesn’t play a significant role here. Suffice it to recall that among nations comprising a suprapeople would immediately stand out a leading one (for example, the Egyptian nation led the peoples of Nubia, Napata, and Meroë which belonged to another ethnic root). Quite the opposite could also happen: several ethnically distinct nations would unite into one suprapeople switching or sharing the leadership at various points of time (e.g. Hindu, North-Eastern, Far-Eastern, Roman-Catholic supranations).</p> <p>By and large, overlapping with the centuries-old contours of Russia, our people rather belongs to the formation of the first type. The multiethnic origin of the Russian nation isn’t at odds with this: tellingly, in the course of its history, it has retained its leading or global role in the supranation unlike transferring it to Ukrainians, Belorussians, or peoples of Povolzhye or Siberia. Having been combined of ethnically motley elements, as the people of Egypt was at its time, the Russian people proved to be, as Egyptians had once been, a prepotent creative force among the smaller ethnic groups conjoining it (I am talking about the past and present. Future may see a different configuration.)</p> <p>This great formation of the last millennium had been predetermined since time immemorial with a creative design of people-leading hierarchies – the Russian demiurge and Navna. The design first</p>
--	---

Навны, – замыслом, возникшим в их сознании ещё как смутная мечта, как приковавший их волю образ. Так было когда-то в Рангарайдре, родине демиургов и Великих Сестёр. О, Яросвет тогда вовсе не напоминал ещё "духа снегов и пламени": то было радостное солнечное дитя, мудрости Шаданакара ещё не приобретшее, а если и предчувствовавшее огромные дали своего долженствования, то лишь в неясных очертаниях грандиозных прообразов. Созерцая из отдаления становящиеся вершины других метакультур, творения других демиургов и синклитов, он начал сознавать масштабы своего духа, пропорции своего собственного будущего творения. К постепенно уяснявшемуся долженствованию он пытался приблизиться своей вдохновенной отроческой игрой; эта игра стала перерастать в священнодействие, в миротворчество, когда высокий человекодух, бывший за несколько веков перед тем в Энрофе апостолом Андреем Первозванным, отдал свои силы Яросвету. В сакуале Демиургов начал возникать как бы туманный ещё чертёж Небесной России. Церковное предание считает апостола Андрея первопроевстителем наших далёких предков. Это верно в том смысле, что апостол Андрей в конце I века христианской эры принял мученический венец в землях Скифии. Но в предании этом таится, по-видимому, и отголосок интуитивного знания о том, что первооснователем Небесной России был именно этот человекодух, достигший за тысячелетие между своей кончиной и своим участием в миротворческом акте Яросвета огромных сил и высот.

Своё долженствование, заключающееся в браке с Соборной Душой народа и в рождении ими Звенты-Свентаны, демиург Яросвет уже понимал; но подготовка к этому ещё не могла представляться ему в тех формах и временных масштабах, какие она в действительности приняла. Он не предугадывал, что одно из его собственных созданий фатальным образом должно будет подняться против него и стать величайшим метаисторическим его соперником, узурпатором и искажителем его замысла. Он не

emerged in their consciousness as a vague dream, an image that spellbound their will. It happened so at one time in Rangaraidr, the birthplace of demiurges and Great Sisters. Oh, Yarosvet was far from resembling "the spirit of blizzards and flame" back then: he was a joyous child of sun having yet acquired the wisdom of Shadanakar not. If he did foresee the vastness of his duties, they were just dim foreshadows. Upon observing from afar the emerging summits of other metacultures, creative acts of other demiurges and synclites, he began to realize the scale of his own spirit, the proportions of his own future creation. The inspirational play of youthfulness helped him gradually realize his duties; this play began to outgrow into a sacred rite, a Creation act when a great man-spirit that had been St. Andrei the First-Called in Enrof a few centuries before gave his powers to Yarosvet. In sakwala of demiurges, as if a misty outline of Heavenly Russia began to take shape. According to the church tradition, Andrei was the first illuminer of our forefathers. It was true in the sense that the life of St. Andrew the Apostle ended in martyrdom in the lands of Scythians at the end of the 1st century. But the tradition appears to have an echo of the intuitive knowledge that the founder of Heavenly Russia was precisely this man-spirit that had achieved great powers and heights in the period between his demise and his involvement with Yarosvet's creative acts.

By then demiurge Yarosvet had already come to realize his duty of marrying the Ideal Collective Soul of the people and their giving birth to Zventa-Sventana. But the actual forms and scale this ultimately took had been beyond his imagination and what he was readying himself for. He could not foresee that one of his own creations would fatefully revolt against him and become his worst metahistorical rival, usurper, and distorter of his design. Foreboded he not that a constant feud between the opposing hierarchies and

мог предвидеть, что постоянная борьба враждебных иерархий с ним самим и с Навной сделается содержанием метаисторической драмы России с XI по XXI столетие. Наконец, ему не могло быть ясно, что для осуществления его миссии должны завершиться огромные процессы так же и в лоне других культур, ибо лишь при условии объединения всего человечества в единое социально-политическое целое возможно постепенное превращение этого целого во всемирное братство.

Срок спуска Навны в четырёхмерные слои наступил несколько раньше, когда Яросвет ещё впитывал в Рангарайдре творческие излучения Планетарного Логоса.

Внизу простирались безбрежные пустынные пространства четырёхмерных сакуал. В отдалении, на Востоке и Юге, вздымались созидающиеся громады других, старших метакультур. На Западе уже возникло туманное, медленно кристаллизовавшееся сооружение, увенчанное пиком ослепительной белизны, – мистический Монсальват Германии, Англии, Бургундии и Скандинавии. На Юге трепетал и переливался золотом и пурпуром Византийский затомис, и, казалось, он уже готов оторваться от земли и подняться, подобно блистающему ковчегу, к подножию занебесной обители Христа. Но обширное пространство, открытое к Ледовитому океану, было пустынно. Только прозрачные клубы бушующих стихий проносились там, над нехоженными лесами и исполинскими реками Энрофа, да слабые сгущения племенных эгрегоров пульсировали кое-где, усиливаясь на открытых степях Юга.

Конечно, набросанную мною картину не следует понимать с буквальной точностью. Это лишь намёк, поэтическое обобщение, предельно упрощающее истинную картину многих сакуал, открывшихся очам нисходившей Навны. Но все они были связаны с той единственной областью древнего

himself together with Navna would shape the course of the metahistorical drama of Russia all the way from the 11th to 21th century. Lastly, he was yet to acknowledge that the accomplishment of his mission depended on the completion of immense processes in the folds of other cultures for only a social-political unison of the entire humanity would see its gradual transformation into a single planetwide brotherhood.

The hour of Navna's descent into the four-dimensional plane arrived somewhat earlier when Yarosvet was still absorbing the creative emanations of the Planetary Logos in Rangaraidr

Below outspread its boundless wasteful expanses four-dimensional sakwalas. In the distance, in the East and in the South, towered the emerging colossuses of other, older metacultures. In the West, a cloudy, slowly crystalizing structure with a glistening white peak had already taken shape – the mystical Montsalvat of Germany, England, Burgundy, and Scandinavia. The Byzantine zatomis was flickering and shimmering with gold and purple in the South, and it appeared as though preparing to leave the ground and elevate, as a glistening ark, directly to the foot of the supraheavenly abode of Christ. Yet, the vast expanse facing the Arctic Ocean remained desertlike. Only translucent puffs of raging elementals were dashing over untrodden forests and gargantuan rivers of Enrof, and faint condensations of tribe egregors were pulsating here and there amplifying in the open heaths of the South.

Yet, the picture which I have just outlined shouldn't be understood word for word. It is just an intimation, a poetic generalization that largely trivializes the true picture of many sakwalas meeting the gaze of descending Navna. All of them, at the same time, were connected with that sole region of the prehistoric Eurasian continent which bore

Евразийского материка, которая тогда ещё оставалась свободной от каких бы то ни было наслоений великих цивилизаций человечества. Скудные материальные останки нескольких исчезнувших племенных групп, так никогда и не создавших ни нации, ни письменной культуры, покоились в почве, не нарушая её первичной девственной чистоты. Леса и степи будущей Европейской России представлялись достаточно ёмкими для расселения в грядущем громадных человеческих массивов, а к Востоку открывался ещё другой неисчерпаемый пространственный резерв, тянущийся до Тихого океана. Запасы всевозможных ископаемых могли обеспечить материальную основу жизни колоссальному коллективу на тысячелетия вперёд. Очаги же великих старших культур были достаточно удалены, чтобы уберечь юную культуру будущего от потери самой себя до тех пор, пока задача преодоления пограничных вакуумов сможет стать по плечу её собственному мужающему гению. Только демиург Византии длил ещё поблизости свой трагический, отрывающийся от земли труд, готовясь передать Яросвету бремя задач, обречённых оставаться в недовершённости.

Это была не страна, но целая часть света, и от предчувствия событий, соразмерных с её масштабами, могло бы захватить дух – не только человеческий.

Смысл спуска или второго в Шаданакаре рождения Навны заключался в том, что она стала облекаться мало-помалу в материальные ткани того четырёхмерного слоя, где демиургом и великими человекодухами, отдававшими ему свои силы, начали закладываться материальные (не физические, конечно, а эфирные) основы Небесной Руси. С этого времени, соответствующего, по-видимому, VIII – IX векам нашей эры, в историческом плане обозначился медленный процесс: формирование восточнославянского племенного единства.

Если бы мы захотели, по аналогии с явлениями человеческой

no remnants of great human civilizations. Scarce material vestiges of several vanished tribal groups that had created neither nation, nor script lay in the pristine ground. Forests and heaths of to-be European Russia appeared capacious enough for gigantic future settlements of human masses with another limitless spatial reserve stretching as far as to the Pacific Ocean. Diverse and plentiful treasures of the soil secured the material basis for living for millennia to come. Cradles of great older civilizations were too far away for the future young culture to dissolve in them, and that made possible the task of overcoming the borderline voids with its own nascent genius. Only the demiurge of Byzantium carried on its tragic, leaving-the-ground work readying to transfer Yarosvet the freight of tasks which were doomed to remain unaccomplished.

It wasn't just a country but a whole part of the world, and one could easily lose his breath – not only that of a human – anticipating the events commensurable to its size.

The purpose of Navna's descent or her second birth in Shadanakar was her gradual clothing in the materiality of the four-dimensional plane where the demiurge and nourishing it great men-spirits had begun to lay down the material (not physical, of course, but ethereal) foundations of Heavenly Russia. Chronologically, this corresponded, in all likelihood, to the 8th - 9th centuries AD, and from thenceforth a slow process in the historical plane began to take shape: the formation of the tribal unity among East Slavs.

Should we decide to determine Navna's metaethereal age in that

жизни, определить метаэфирный возраст Навны в ту историческую эпоху, нам пришлось бы остановиться на том, который мы привыкли отождествлять с переходом от детства к юности*. Её пестовала Мать Земля, а души стихиалей, суровые и нежные, одна за другой вступали в творимый затомис Святой Руси и облекали текучевеющую субстанцию Навны своими струящимися тканями. В те времена состояние Навны знаменовалось единством первоначальной гармонии, непосредственной радостью впервые вкушаемого воплощения. Женственно-вещное предощущение гроз будущего смягчалось воспоминанием о наднебесной родине, Рангарайдре, и ожиданием оттуда брата – друга – жениха. И в России Небесной, и в России земной на всем ощущался его отдалённый, но неотступно прикованный взор. И если сама Навна едва начинала уяснять народному сознанию детски смутные отражения окружающих стихиалей, то разум демиурга эти образы прояснял, очерчивал, определял, кристаллизируя их в именах славянских божеств: Перуна, Ярилы, Стрибога, Лады.

* Оговариваюсь, что возрастные этапы в применении к иерархиям сверхнарода не только имеют длительность, в десятки раз превышающую длительность соответствующих этапов человеческой жизни, но и самые пропорции этих этапов не совпадают с привычными для нас. В частности, их юность синхронична весьма длительным периодам истории, а пора их зрелости протекает преимущественно уже тогда, когда соответствующий народ сыграл свою роль в Энрофе и продолжает становление и творчество в высших слоях метакультуры. Например, ныне находятся в состоянии полной зрелости народоводительствующие иерархии Древнего Египта, Вавилонии, античности, не говоря уже о Гондване и Атлантиде.

historical epoch on the analogy with the human life's progression, in our usual language we would call it the transition from childhood to adolescence*. Mother Earth was nurturing her, and souls of elementals, rough and tender alike, entered, one after another, the emerging zatomis of Holy Russia endowing the streamy-breezy substance of Navna with their shimmering filaments. The state of Navna at the time was marked with the wholesomeness of primal harmony, childlike joy of relishing the first physical incarnation. Her womanly premonitions of the future calamities were palliated with the memories of her supraheavenly birthplace Rangaraidr and anticipation of her brother-friend-bridegroom's arrival from thence. Both in Heavenly Russia and the earthly Russia could be felt his distant yet unflinchingly riveted, omnipresent gaze. While Navna barely started trickling the folk consciousness with vague childish reflections of surrounding them elementals, the mind of the demiurge clarified, delineated, defined those images crystallizing them into the names of Slavic deities: Perun, Yarilo, Stribog, Lada.

* Just to be clear, the periods of aging as superimposed on hierarchies of suprapeoples not only have a duration exceeding the corresponding human periods by tens of times but also match their usual proportions not. In particular, their adolescence is synchronous with rather long periods of history, and they reach their prime when the corresponding people has already played its role in Enrof so as to continue its becoming and creative works in uppermost planes of the metaculture. For instance, the hierarchies of Ancient Egypt, Babylonia, classical antiquity, let alone Gondwana and Atlantis have reached now their full maturity.

На языке историков это перекрёстное влияние демиурга и Идеальной Соборной Души называется мифологией, религией, искусством и бытом древних славян – всем тем, что теперь обнимается понятиями духовной и материальной культуры.

Событие, которое антропоморфным шифром наших понятий может быть отмечено как первое явление Яросвета во плоти в Небесной России и его встреча с Навною там, имело место в X столетии. Буря, вызванная этим в метаисторическом мире, трудно поддается сравнениям, ибо уже само понятие радостной бури кажется нам искусственным. То было низлияние метаэфирных потоков и потоков астрала, подобных kloчущим водопадам света. Демиургу сопутствовали нисходившие из Ирольна или притекавшие из других метакультур ликующие человекодухи – те, кому предстояли потом воплощения на Русской земле с невидимыми коронами родомыслов, праведников, гениев и героев. Стихиали встречали Яросвета как посланца Божьего и великого творца, которому предстоит среди них, над ними и с ними творить нечто, выходящее за круг их постижения, но внушавшее их вещим душам безотчётное преклонение и восторг. Навна приняла его в блаженных лесных просторах Святой России как долгожданного жениха.

Некоторыми таинствами и обрядами наших религий, например таинством венчания, знакомого в том или ином виде всем народам, мы создаём подобия событиям в жизни народоводительствующих иерархий. Но подобное таинство между Ярославом и Навной тогда и само ещё мерцало лишь из далёкого будущего, хотя им казалось, будто радость их встречи и есть это таинство венчания. В действительности же, вслед за этой встречей произошло другое событие, имело место другое таинство, параллелью которому в человечестве обладает только христианский культ, сделавший своей осью таинство причащения.

Historians call this intersecting influence of the demiurge and the Ideal Collective Soul as mythology, religion, art, and daily rounds of life of Early Slavs, in sum, everything that notions of spiritual and material culture now encompass.

An event anthropomorphically translated into our language as Yarosvet's first appearance in flesh in Heavenly Russia and his meeting with Navna there took place in the 10th century AD. The storm this stirred in the metahistorical world is hard to put into words as the very notion 'joyous storm' would seem rather contrived. It was a downpour of metaethereal and astral streams not unlike gurgling waterfalls of light. Accompanying the demiurge were jubilant men-spirits descending from Iroln and inflowing from other metacultures – those who, with a lapse of time, were to incarnate in the Russian land carrying invisible crowns of kin-guardians, saints, geniuses, and heroes. Elementals were welcoming Yarosvet as a messenger of God and prepotent creator who was poised to create something among, with, and above them, something that was beyond their comprehension yet inspiring inexplicable awe and delight in their souls. Navna received him in the blissful forestal expanses of Holy Russia as a much-awaited betrothed.

In some of the sacraments and rituals which our religions have as, for example, the sacrament of matrimony that all peoples, in one or another form, are familiar with, we make semblances of the events that had first happened with the people-leading hierarchies. This kind of sacrament between Yarosvet and Navna was still shimmering from the faraway future though the joy of their meeting appeared as wedding-like to them. In actuality, following their meeting was another event, another sacrament, and its similitude in the humanity can only be found in the Christian cult that includes the Holy Communion as its pivotal point.

Это было их причащением Богу-Сыну, распятому, пока существует во вселенной демоническое начало, в Мировой материи, Им оживляемой, – в той живой плоти, мистериальным знаком которой мы берём хлеб и вино. Совершилось оно не в Небесной России, тогда ещё к этому не готовой, а в великом Византийском затомисе. Оттуда распахнул демиург Византии ряды надстоявших над этим затомисом небес; Яросвет и Навна узрели воочию предельную высоту Христианского Трансмифа и сквозь Небесный Иерусалим вступили в общение с Богом. Так совершилась их первая в Шаданакаре встреча с Тем, Кого видеть лицом к лицу могут лишь богорождённые монады. Так демиург Византии посвятил их в свою глубочайшую тайну – тайну, действительно претворить которую в формах человеческой жизни он не сумел. Теперь он передавал её им как своим наследникам.

Историческая неудача всех трёх христианств сводилась, как известно, к тому, что и католичество, и византийское православие, и, позднее, протестантские церкви остались только церквями, и притом не с большой, а с малой буквы. Печальна и поразительна аберрация сознания некоторых членов этих церквей, которые принимают их за единую вселенскую мистическую соборность. В этом – смещение перспективы, спутанность уповаемого и данного, искажение времён и сроков и даже – что ещё хуже – снижение и искажение самого идеала.

В нашей брамфатуре церкви человечества являются феноменами, полными своеобразия. Вершинами они дотягиваются до подножий Мировой Сальватэрры, а в Энрофе существуют как замкнутые объёмы, опирающиеся на ограниченные участки внутри культуры, внутри государственности, внутри быта, внутри человеческой души.

Драма исторического христианства заключается в том, что ни одна из церквей не превратилась в форму совершенного

It was their communion with God-Son crucified in the living World matter for as long as the demonic principle continues to exist in the universe – in that flesh animated by Him which the bread and wine we take mysterially signify. It took place not in Heavenly Russia that, at the time, wasn't yet ready but in the great Byzantine zatomis. The demiurge of Byzantium uncurtained the rows of the above heavens; Yarosvet and Navna came to behold the uppermost extent of the Christian transmyth and, through Heavenly Jerusalem, entered into conversation with God. Thus happened their first meeting in Shadanakar with the One who only God-born monads could face. Thus the demiurge of Byzantium let them into his deepest secret – the one that, in human life forms, he duly materialized not. And so he was passing it down on them as to his inheritors.

The historical failure of all three Christianities can well be explained by the fact that Catholicism, Byzantine Orthodoxy, and, later, Protestant churches remained only churches, each with a small “c”, not capital at that. Sad and astonishing is the aberration of the consciousness of some of the church members who take these institutions for a cosmic mystical unity. It shows a shift in the perspective, the confusion between the hoped-for and the real, the distortion of times and terms, and, even worse, the deflation and distortion of the very ideal.

In our bramfatura, human churches are quite idiosyncratic phenomena. With their summits reaching the threshold of the World Salvaterra, in Enrof they exist as secluded aggregates resting upon limited spaces within culture, within statehood, within daily rounds of life, within human soul.

The drama of the historical Christianity lies in the fact that it didn't approximate the ideal societal order capable of expressing and

народоустройства, способную выразить и осуществить завет христианства, его мистический и этический смысл. Причина этого коренится, опять-таки, в прерванности Гагтунгром миссии Иисуса Христа, но отсутствие серьёзных, искренних и чистых попыток в этом направлении – вина самих церквей как человеческих сообществ. Ибо если католицизм, стремясь иерократией подменить Царство Божие на земле, подпал, хотя, к счастью, временно, одному из страшнейших инфрафизических вампиров всемирной истории, то православие, ещё в Византии занявшее, по выражению Достоевского, "угол в государстве", совсем отказалось от этой задачи. Эта задача, одна из ключевых, если не самая ключевая из всех задач, возникавших перед человечеством, переходила теперь со всей непомерной тяжестью и опасностью требуемого ею пути к иерархиям Российской метакультуры.

Это было отражено зеркалом исторической действительности в акте так называемого крещения Руси. Чтобы уразуметь воистину необъятные масштабы исторических и метаисторических последствий, предопределённых этим деянием князя Владимира, достаточно вдуматься в то, что сулило бы молодому русскому сверхнароду присоединение к католицизму, к исламу или, тем паче, к хазарскому иудаизму; какое нелепо искажённое, почти абсурдное будущее было бы вызвано к жизни подобным выбором религии. Сама собой напрашивается, но, к сожалению, выходит из композиционных рамок книги, большая монографическая глава о князе Владимире Святославиче, деятеле воистину титанического масштаба. Масштаб этот до сих пор недооценён из-за отдалённости и малоизвестности эпохи и благодаря тому предутренне-сумеречному освещению, в котором фигура этого деятеля возвышается у истоков нашей истории. Вероятно, только метаисторическое созерцание и размышление способны привести к углублённому пониманию подлинного значения того, кого народ чтит, любил и воспевал почти тысячу лет, связав с

materializing the behest of Christianity, its mystical and ethical dimensions. The cause of it, again, is rooted in Gagtungr's having interrupted the mission of Jesus Christ. Yet, churches and human fellowships are to blame for the lack of serious, earnest, and pure aspirations in this direction. For whereas Catholicism with its attempts to replace the Kingdom of God with hierocracy fell under the power – fortunately, only for a time – of one of the most dreadful infraphysical vampires in the world history, Orthodox Christianity, by having taken, as Dostoevsky put it, "a corner in the state", withdrew from this task altogether. This task, being one of the most critical tasks if not the most critical that humanity ever saw, was now passing down, as immensely burdensome and perilous as it was, upon the hierarchies of the Russian metaculture.

It was mirrored in the historical reality as an act of so-called Christianization of Rus'. To really comprehend the vastness of historical and metahistorical consequences precipitated by this decision of Prince Vladimir, it suffices to ponder the odds of adopting Catholicism, Islam or, all the more so, Khazar Judaism by the young Russian suprapeople; what a grotesquely distorted, almost ludicrous future would have been brought to life had one of these religions been preferred. Suggesting itself but, unfortunately, going beyond the narrative of this book is a big monographic chapter about Prince Vladimir Svyatoslavovich, an actor of a truly tremendous caliber. He still remains undervalued because his epoch is too distant and poorly studied and owing to the predawn-twilight glim the figure of this actor towers from at the beginnings of our history. Perhaps, only metahistorical contemplation and reflection would reveal the true significance of the one revered, loved, and glorified across centuries by the people that had given him one of the warmest and tenderest nicknames the world history has ever known (it is barely translatable into other languages as, it appears, only in Russian the sun can be referred to endearingly): Krasno Solnyshko (Fair

его именем прозвище, одно из самых тёплых и нежных, какие только знает всемирная история: Красное Солнышко (прозвище, неперебиваемое на другие языки, так как только в русском, кажется, допустимо применение к солнцу ласкательной формы). Во всяком случае, акт крещения Руси был почти единоличным деянием князя Владимира, деянием полностью провиденциальным, сколь примитивны и сторонни ни были бы мотивы, активизировавшиеся в сознании реформатора.

Эта инволюция Яросвета начинается в X веке и очень быстро знаменуется появлением, вслед за Владимиром, ряда крупнейших исторических имён: Ярослава Мудрого, летописца Нестора, Антония и Феодосия Печёрских, затем Владимира Мономаха. Это будущие человекодухи, нисшедшие в Небесную Россию во дни её основания, теперь направлялись демиургом в Энроф ради выполнения особых задач, с миссиями праведников и родомыслов.

Как и всегда над большими коллективами, над Киевским государством дышало и зыблилось то иноматериальное образование, о подобном которому уже говорилось в главе про средние слои Шаданакара под названием эгрегоров. Порождённый теми психологическими излучениями народа, которые связаны с деятельностью государственной, эгрегор обладал подобием сознательности, зарядом воли и жил самостоятельной жизнью, в значительной степени определяя государственную деятельность каждого из следующих поколений русских людей.

Не имела собственной монады и каросса Дингра – одно из проявлений Лилит, последняя из иерархий, значение которых в возникновении народа русского было огромно. Раздвинув свою деятельность до границ нации и позднее – сверхнарода, чью живую материальность она призвана непрерывно возобновлять

Sunshine). In any event, Christianization of Rus' was done by Prince Vladimir almost single-handedly, and it was an entirely providential act whatever primitive and extraneous motives were active in the reformer's consciousness.

This involtation of Yarosvet began in the 10th century and was rapidly marked with the emergence of a host of remarkable historical names in Vladimir's wake: Yaroslav the Wise, Nestor the Chronicler, Antonia and Theodosia Pecherskiye followed by Vladimir Monomakh. These to-be men-spirits who descended into Heavenly Russia when it had been just founded were being led since then by the demiurge into Enrof for accomplishing special missions, those of saints and kin-guardians.

As it is always the case with big collectives, that other-material formation, so-called egregor which semblances had already been touched on in the chapter about the middle layers of Shadanakar, was radiating and shimmering. Generated by psychic emanations of people associated with statehood, the egregor possessed a kind of consciousness and, charged with volition, had an independent life shaping to a great extent the state activities of each successive generation of the Russian people.

Not having her own monad karossa Dingra, one of Lilit's manifestations, was the last in the hierarchies largely involved in the genesis of the Russian people. Having expanded her activities to the boundaries of the nation and, later, suprapeople which materiality she was to regenerate and strengthen, karossa Dingra played her

и укреплять, каросса Дингра выполняла свою провиденциальную роль, и этим же исчерпывалось её положительное содержание.

Круг деятельности кароссы очерчен по преимуществу границами половой жизни народа. Она участвует во всяком акте человеческого соития и зачатия. У неё – ключи вождения друг к другу представителей двух полов. Но ей, несущей в себе проклятое эйцехоре, присуще стремление переливаться за окружность своей зоны действия, подчинять себе все явления, попадающие в её кругозор, захлёстывать волнами сексуальной стихии другие импульсы народной души. Фаллический оргиазм древности, утративший теперь свою религиозно-магическую окраску, но проявляющийся в некоторых народных праздниках, остаётся и в наше время ярчайшим проявлением Дингры, "Всенародной Афродиты" России. Свадебные же, пиршественные, весенние и тому подобные оргиастические действия, игрища и обряды в дохристианский период возникали на Руси именно как волны, расхлывшиеся от помахивания невидимых покрывал Дингры, как отзвуки её тяжёлой пляски, как отсветы её пылающего взора, вперённого в народное тело и в тело каждого из людей. В России христианство, сразу вступившее с кароссой в явную и тайную борьбу, провозгласило по отношению ко всякой мистике пола решительное "нет" и заставило укрыться её в подполье, где она, уродуясь тесными пределами, приобрела удушливый и смрадный оттенок, дойдя, наконец, до свального греха хлыстовских и других изуверских сект. В некоторых же других культурах, особенно в культурах древности, деятельность кароссы проступала на самой поверхности народной жизни, а тень этих существ явственно доходила до сознания мифотворческих и религиозно-творческих пластов сверхнарода, отливаясь в образы богинь – покровительниц любви, брака, деторождения. Ясно, что там, где к почитанию таких богинь примешивался оргиазм, где задачи продолжения рода отступали перед бесконтрольной жадой

providential role, and, perhaps, that exhausted her positive influence.

Primarily, karossa's sphere is narrowed down to the people's sexual life. She participates in every act of human coition and conception. Hers are the keys from the opposite sexes' mutual lusting. Yet, bearing the accursed yetzerhara she is inclined to overflow beyond her legitimate bounds, subdue all phenomena crossing her attention, sweep other impulses of the folk soul with waves of sexuality. Phallic orgasm of the antiquity which, though now devoid of its religious and mystical coloration, still manifests in some folk festivities is the most vivid outpouring of Dingra, Russia's "All-People Aphrodite". As for wedding, convivial, springtime, and other orgiastic celebrations, merrymakings, and rites of the pre-Christian era, they had risen in Rus' precisely as waves spreading from Dingra's billowing invisible veilings, as echoes of her heavy dancing moves, as reflections of her fiery glance riveted into the people's body and into the body of each and every human. In Russia, Christianity came to grips with the karossa from the very onset, overtly and covertly, with its decided "no" to any mysticism of sex thus having driven her underground. There, disfigured with tight boundaries, she gained a smothery and foul touch culminating in fornications of Khlysts and other zealotic sects. In some other, especially in ancient cultures, activities of karosses transpired well to the surface of people's lives, and these creatures' shadows reached the consciousness of myth-generating and religio-creative layers of the suprapeople molding into the images of goddesses – patronesses of love, marriage, and child-bearing. Clearly, whenever worshiping of these goddesses had a mix of orgasm, whenever the task of procreation was overridden with uncontrollable sensuality, the influence of karosses was tinged and even blanketed with viscous and depraving influences of Duggur.

чувственного наслаждения, там к воздействию кароссы примешивалось и даже заглушало его вязкое и растлевающее воздействие сил Дуггура.

Активизация светлых сил всегда во всемирной метаистории вызывает и активизацию сил Противобога: это, по-видимому, закономерность текущего эона. Да и мог бы Противобог и его миры оставаться безучастными, созерцая выход на метаисторическое поприще новых сил, стремящихся, в конечном счёте, к преодолению демонической власти над человеческим миром? И борьба инфрафизического стана против Навны, Яросвета и Дингры (остающейся хотя и слепой, но необходимой участницей метаисторического процесса) приобретает несколько форм.

Проследите основные линии движения, основные события истории Киевской Руси: каждый легко различит два главных фактора, угрожавших молодому национальному образованию. Уже Владимир занял Киевский престол лишь после кровопролитной распри; едва же он умер, как вся страна была потрясена борьбой за власть и братоубийствами Святополка Окаянного. Короткая передышка при Ярославе Мудром – новая волна усобиц при Изяславе I – и с тех пор прерывающаяся лишь на короткие года двухсотлетняя княжеская усобица. Усобица, не только заливавшая кровью поля страны и подтачивавшая её физическое бытие, но и истощавшая эфирную субстанцию сверхнарода, а его духовное становление тормозившая опасно и мучительно. – Так выходит на поверхность истории великая хищница, гасительница светочей и домашних очагов, умножительница страданий – Велга России. В человеческом существе она срывает все запреты с низших инстинктов разрушения и осквернения. Она втягивает в себя клочья распавшихся человеческих эфирных и астральных тел. Она – смерчеобразное средоточие множества мелких инфрафизических существ, вдохновительница анархических

The activization of forces of Light always evokes the counter-activization of the Antigod, which is a seeming inevitability of this eon. Could have possibly the Antigod and his worlds remained indifferent passively witnessing fresh forces entering the metahistorical stage, the forces which ultimate goal was in overcoming the demonic clutch in the human world? Hence the struggle of the infraphysical camp against Navna, Yarosvet, and Dingra, a blind yet necessary participant in the metahistorical process, took several forms.

If one follows main trajectories of the movement, the major events in the history of Kievan Rus', he or she would easily discern two fundamental factors jeopardizing the young national formation. Vladimir was able to ascend to the Kievan throne only after a slaughterous feud; no sooner had he died, the whole country was shattered with power struggles and fratricides of Svyatopolk the Accursed. After a short pause during the reign of Yaroslav the Wise there followed a new wave of feuds under Iziaslav I spiraling into a two-century princely discord with only a few short intermissions. Not only did this discord that had bathed fields of the country in blood erode the physical being but also ethereal substance of the suprapeople which spiritual development was painfully and perilously arrested. Thus came to the surface of the history a great she-predator, extinguisher of beacons and hearths, multiplier of sufferings – Velga of Russia. In a human being, she totally unseals the base instincts of destruction and defilement. She pulls in the shreds of decomposed human ethereal and astral bodies. She is a whirl-like aggregation of a great many tiny infraphysical entities inspiring anarchy in battle fields and places of execution.

сил, хозяйка на полях сражений и на местах казней.

Велги появились в пределах Шаданакара вместе с большинством других демонических монад, то есть почти с самого начала. Но для метаисторика важнее другой непреложный факт: то, что каждая велга есть полюс Идеальной Соборной Душе, и то, что она стремится к перетягиванию эфирно-астральной субстанции сверхнарода в сферу демонической материальности.

Вторая форма борьбы Противобога и его миров против светлой диады и Дингры заключалась в попытках истребить их или истощить нападениями извне. Эту цель преследовали те события, которые в зеркале исторической действительности приняли вид нападений печенегов, половцев и, наконец, татар на раздираемое Велгой Киевское государство. Трудно ли за этими теньями, этими ратями и ордами, мечущимися по степным просторам Поволжья, Дона и Днепра, разглядеть тех, от кого эти тени отбрасываются: ожесточённых эгрегоров степных племён, вечно бурлящих, вечно клокочущих, неспособных к отвердению в устойчивые, творческие организмы истории? – Этот вид враждебной деятельности Противобога разрастётся в далёком будущем, ставя под угрозу существование страны, в годину татарского, польского, французского, германского нашествия. Деяния же Велги примут форму общенародных внутренних потрясений Великой Смуты и Великой Революции.

Вопреки неблагоприятным метаисторическим условиям, Яросвет совершает в XI-XII веках попытки проявить свой юный гений. Демииург Византии сперва ещё руководит им; следствием этого в исторической действительности делается то, что на языке историков именуется "византийским влиянием" или "византийской традицией". А так как всякое творчество в русле какой-либо традиции требует меньше смелости и духовной зоркости, то деятелей традиции всегда оказывается больше, чем новаторов. Главное же, в эту эпоху воздействие и самого

Velgas had appeared within the confines of Shadanakar together with the majority of other demonic monads, that is to say, from the very onset. What bears more importance for a historian is another indisputable fact: each velga is a polar opposite of the Ideal Collective Soul, and she seeks to pull over the ethereal-astral substance of the suprapeople into the realm of demonic materiality.

The second form of the Antigod's and his worlds' struggle against the lightful dyad and Dingra is attempting to annihilate or emaciate them with attacks from without. Historically, these attempts were mirrored as invasions of Pechenegs, Polovtsians, and, finally, Tatars in the Velga-riven Kievan state. Is it so hard to see through these shadows, these armies and hordes scurrying across the steppes of Povolzhye, Don, and Dnepr, to see those who had cast these shadows in the first place: the hardened egregors of steppe tribes, ever gurgling, ever seething, incapable of molding into robust, creative organisms of the history? – This kind of the Antigod's malign activity would branch out into the far future jeopardizing the very existence of the country in times of Tatar, Polish, French, German invasions. As for Velga, her acts would take form of nationwide domestic upheavals in the Time of Troubles and Great Revolution.

Despite unfavorable metahistorical conditions, Yarosvet attempted to manifest his young genius in 11-12 centuries AD. The demiurge of Byzantium was still patronizing him, the consequence of which was so-called "Byzantine influence" or "Byzantine tradition" in the historical reality. As any creativity within traditional bounds doesn't require as much boldness and spiritual foresight, there are always more actors than innovators there. Most importantly, the influence of Yarosvet himself became hardly distinguishable from that of the Christian Transmyth at the time as he had partaken of its reality.

Яросвета становилось таким, что его трудно отличить от воздействий христианского Трансмифа, ибо реальности этого Трансмифа он приобщился сам. Приобщился сам – но не замкнулся в нём; сторона, ранее высказывавшаяся в русской дохристианской культуре, оставалась этим Трансмифом не охваченной и продолжала жить – хотя и не такой уже интенсивной жизнью.

Мощно вливался в сознание народа христианский миф, чаруя и привлекая сердца образами Вседержителя, Пречистой Девы и святых, некогда восходивших на высоты праведности из тёмных недр еврейства и Византии. От святынь Иерусалима и Афона, от купцов Царьграда устремлялись белые лучи, согревая душу и приобщая её к радости православного творчества: иноческому деланию, подражанию житиям угодников, восхищению в области духа, смирению, храмостроительству, посту. И оттуда же доносились неустанные предупреждения, трепет ужаса перед мирами возмездия, тем более устрашающими, что никакими чистилищами тяжесть загробного воздаяния в Византийской метакультуре не была смягчена.

В дальние углы культуры, в народные низы, к смердам, отодвинулось древнее славянское миропонимание. Но великие леса надёжно хранили в своей глубине связь человеческого существа со стихиями; и волхования кудесников, игрища во славу творческих сил, чары колдунов, обряды, связующие человека с незримыми обитателями и хозяевами Природы, длили своё существование. Требовательный аскетизм никогда во всемирной истории не смог стать руководящим принципом для масс; не случилось этого и здесь. Жизнь предъявляла всё те же требования: продолжение рода, оберегание семьи, защита страны от натиска степных кочевников. Сколько бы ни молились иноки по монастырям, эти молитвы не освобождали людских множеств от воинского долга, от повседневного труда, от губительных половецких набегов и от радостей страстной,

Partaken of, but not been confined with it as some part that had been vocal in the pre-Christian culture and hadn't been totally absorbed by the Transmyth kept on living, though not as loud.

Vigorously was pouring the Christian myth into the consciousness of the people attracting and enrapturing their hearts with the images of the Almighty, Blessed Virgin, and saints that had once ascended to the heights of righteousness from the dark depths of Jewry and Byzantium. Shrines of Jerusalem and Athos, traders from Constantinople emanated white rays that warmed souls and accustomed them to the joys of the Orthodox creativity: monastic doing, imitating the lives of saints, spiritual delights, humility, temple-building, fasting. At the same time, from thence also came incessant warnings, the terror of the worlds of retribution, all the more frightening as no purgatory would have alleviated the freight of otherworldly retribution in the Byzantine metaculture.

To the far corners of the culture, to the grass-roots, to serfs was relegated the ancient Slavic worldview. Yet, vast forests safely kept in their depths the connection between human beings and elementals. Conjurings of wizards, merrymakings celebrating creative forces, rites connecting man with invisible dwellers and masters of Nature thereby continued to exist. Austere ascetism could have never become a guiding principle for masses in the world history; it didn't happen then either. Life placed the very same demands: procreation, caring for family, protecting the country from onslaughts of steppe nomads. However hard prayed monks in their monasteries, these prayers didn't free multitudes of people from their military duties, daily toil, murderous raids of Polovtsians as well as joys of a passionate, full-blooded life rewarding for it all. Thus had been laid foundations of the dual faith that vanished from Russia all the way

полнокровной жизни, вознаграждающих за всё. Так были заложены основы двоеверия, не исчезавшего в России вплоть до XX века.

Первым дошедшим до нас памятником инспирации иерархий сверхнарода остаётся "Слово о полку Игореве" – произведение, никак не связанное с византийской традицией и вообще с трансмифом христианства. В чуждых аскетизму и смирению, мужественных интонациях поэмы, похожих на ясный и чистый булатный звон, в отсветах внехристианских верований, вспыхивающих то здесь, то там на её суровом горизонте, даже в самой тематике этого памятника – в вооружённой борьбе с национальным врагом – обнаруживается непосредственное вдохновляющее вторжение в волю творца сил Яросвета. Лёгкое и прозрачное, как фата, веяние Навны одевает высокоруцарственное существо поэмы тонкою музыкальностью, поднимаясь до щемящей силы в плаче Ярославны на городской стене.

Этот поэмой инспирации отлились в высокохудожественные образы. Из того, что эти образы оказались жизненными, мы должны заключить, что сама реальная жизнь давала для них материал, что те же инспирации проявлялись, следовательно, в отношениях, психологии, повседневном укладе народных масс. В лице автора "Слова" под низливающийся поток инспирации встал княжеский дружинник, гениальный поэт, то есть поэт, "одержимый" даймоном. Былины же киевского и новгородского циклов позволяют почувствовать, как становился под этот поток человек массы, безымянный создатель низового искусства, фольклора. Скажут: элементарность, грубость былин – о какой духовной инспирации можно тут разговаривать? – Но какими же вообще качествами, если не этими, отличается творение масс от творения высококультурного мастера? Простоватость, примитивность былинной поэзии несколько не опровергают факта инспирации, они только указывают на то, что,

down to the 20th century not.

The first literary landmark of the suprapeople hierarchies' inspiration remains "The Word About Igor's Regiment" – a work totally divorced from the Byzantine tradition and Christian transmyth in general. Devoid of ascetism and humility, manful intonations of the poem resembling crisp and pure ringing of damask steel, gleams of non-Christians beliefs flashing here and there at its somber horizon, the very theme of this work reveal the direct infusion of Yarosvet's inspirational powers into the creator. A whiff of Navna, light and translucent as a bridal veil, clothes the highly chivalrous essence of the poem with a subtle musicality culminating poignantly in lamentation of Yaroslavna on the town wall.

In this poem, the inspirations were molded into highly artistic images. As these images proved viable, we can conclude that the real life provided material for them and, consequently, these inspirations manifested in relationships, psychology, daily rounds of life of people's masses. The author of "The World" who came under the downpourings of the inspiration was the prince's retainer, a poet of genius, that is, a poet "possessed" by a daemon. As for the epic tales of Kiev and Novgorod cycles, one may feel that the very dounpourings were received by a man from masses, an anonymous creator of baser art or folklore. Somebody would say: what do high inspirations have to do with primitiveness and roughness of epic poems? And one may respond: what other qualities but these would distinguish creative works of the masses from those of a highly cultured master? Simplicity and primitiveness of the epic poetry do not give the lie to the fact of inspiration; they only show that, albeit muddled and weakened, it entered the dense layers of the masses'

ослабленная и замутнённая, она всё же проникала в плотные пласты массовой психологии.

Она начинала постепенно окрашивать в своеобразные тона и те искусства, которые оказались наиболее связанными с мифом христианства. Это можно проследить в иконе и фреске – киевских, суздальских и особенно новгородских. Иконописные образы новгородской школы поражают иногда бурной динамикой и такой смелой, почти современной остротой, какие были совершенно чужды, даже враждебны византийской традиции с её статуарностью. К сожалению, в этой книге я располагаю возможностью только намечать ряды специальных тем, требующих разработки. По несколько таких тем заложено в любой из этих глав, и мне остаётся только сожалеть о краткости оставшегося мне отрезка жизни. И в то время, как национальная духовная интуиция во многих других метакультурах выражала своё знание о бытии затомисов преимущественно на языке легенд, Россия начинает выражать духовное знание о своём небесном прообразе и двойнике – России Небесной – на языке другого искусства: зодчества. С XI до XVIII века все очаги русской духовной и особенно религиозной жизни с поражающей нас последовательностью стремятся к развитию, совершенствованию и повторению одного и того же образа. Это – архитектурный ансамбль, осью которого является белый кристалл – белый собор с золотыми куполами и столпообразной колокольной, вокруг него – сонм часовенок и малых церквей, часто многоцветных, но почти всегда златоглавых; далее – палаты, службы и жилые хоромы и, наконец, кольцо могучих защитных стен с башнями. У их подножия – излучина реки.

Этот мотив возникает над Днепром в начале XI столетия, сейчас же повторяется над Волховом, а затем варианты его начинают множиться: во Пскове, Смоленске, Владимире, Переяславле, Чернигове, Ростове, Коломне, Нижнем Новгороде, Устюге, в Троице-Сергиеве, в больших и малых городах и

psyche.

Gradually, it began to color in peculiar ways the arts closely associated with the myth of Christianity. This is traceable in icons and frescoes, those of Kiev, Suzdal, and, especially, Novgorod. Iconic images of the Novgorod school sometimes astonish with their vibrant dynamism and bold, nearly modern acuity which were completely foreign, even antagonistic to the Byzantine tradition with its statue-like rigidity. Unfortunately, in this book I can only outline a number of specialized topics needing elaboration. A few of such topics are laid in any of these chapters, and I can only regret the scantiness of my remaining days. Whereas national spiritual intuition in many other metacultures expressed its knowledge of zatomises, for the most part, in form of legends, Russia began manifesting its spiritual insights into its heavenly prototype and twin – Heavenly Russia – in terms of another art, namely architecture. From the 11th to 13th century, all hotspots of Russian spiritual and, especially, religious life aimed to develop, perfect, and replicate, with an astonishing consistency, one and the same image. More specifically, it was an architectural ensemble with a big white crystal in the center – a white cathedral with golden domes and a pillar-like bell tower encircled with a host of chapels and little churches, often multicolored but almost invariably gold-domed; next ring saw palaty (Russian stone houses), services, and residential wooden houses, with the outmost rim featuring sturdy protective walls dotted with towers. A river meander was at their feet.

This motif first emerged over Dnepr in the beginning of the 11th century to be rapidly replicated over Volkhov with its variations growing in numbers: in Pskov, Smolensk, Vladimir, Pereyaslavl, Chernigov, Rostov, Kolomna, Nizhniy Novgorod, Ustyug, Troitse-Sergiev, in big and small towns or in townless places, in a host of

совсем без городов, во множестве монастырей и кремлей; в следующие эпохи он достигнет своего апофеоза в Кремле Московском.

Над этим стоит задуматься. Вряд ли увенчалась бы успехом попытка исчерпывающе объяснить это явление одними соображениями военно-политическими, техническими, даже общекультурными. Другие страны, расположенные в сходных географических условиях, в эпоху тех же феодальных отношений и, если можно так выразиться, в схожих религиозных климатах, создали, однако, совсем другие художественно-мистические символы, другие эстетические образцы и, в частности, архитектурные каноны. Архитектурный ансамбль вообще далеко не везде перерос в первенствующий символ, в синтетическое отражение трансмифа, в каменное подобие "Града взыскуемого". В такой символ он перерос в Египте и Вавилоне, в Индии и некоторых странах буддизма, в Афинах, но этого не случилось ни в Иране, ни в Японии, ни в североиндейской культуре, и даже о таком значении средневековых аббатств можно говорить только с натяжкой. Очевидно, мы имеем здесь дело с фактором иррациональным, может быть с духовным вкусом сверхнарода. Корни же духовного вкуса уходят в неисследимые его глубины, к закономерностям, связующим сверхнарод с надстоящей над ним второй реальностью.

А между тем эпоха, когда кристаллизовался этот образ, становилась от поколения к поколению всё менее благоприятной.

Если бы мы попытались перенести на миры иной материальности аналогию трёх основных состояний материи в нашем слое – понятия твёрдого, жидкого и газообразного, то убедились бы, что в метаисторической картине Киевской Руси состояние восточнославянского эгрегора можно было бы

monasteries and kremlins. It would reach its apotheosis in the Moscow Kremlin in the epoch to follow.

It is worth reflecting upon. This phenomenon would hardly be sufficiently explained just in military-political, technical, or even cultural terms. Other countries located in similar geographical conditions, say, in feudal times, and, if I may say so, having similar religious climates had created completely different art-mystical symbols, different aesthetical patterns and architectural canons in particular. Far from everywhere the architectural ensemble outgrew into the prime symbol, a synthetic reflection of the transmyth, a stone semblance of "the Sought-for City". It came to symbolize this in Egypt, Babylonia, India, and some other Buddhist countries, in Athens but not in Iran, nor Japan, nor in the North American Indian culture; even in medieval abbeys it hardly bore the same significance. Evidently, we deal with the irrational factor, perhaps, with the suprapeople's spiritual taste. The roots of this taste lead to the unfathomable depths, to the patterns and regularities connecting the suprapeople to the upper-standing second reality.

Meanwhile, the epoch that had seen the crystallization of this image was becoming less and less favorable with each successive generation.

Should we decide, by analogy, to superimpose the three states of matter in our layer of reality – solid, liquid, and gaseous – onto other-material worlds, we will see that the state of Eastern Slavs' egregor in the metahistorical picture of Kievan Rus' would resemble a rarified, outspreading over the country fog which blurred outlines

уподобить простёртому над страной разреженному туману, едва начинающему приобретать смутные контуры. Смерчеобразные завихрения Велги то и дело разрывали это образование в различных его частях, а натиск половецкого, литовского и польского эгрегоров постоянно менял его очертания, вызывая смятение во всём его существе и отрывы отдельных частей, начинавших жить ущербной, призрачно самостоятельной жизнью.

Это было слабое существо, не способное оказать эффективного сопротивления ни Велге, ни эгрегорам степных племён.

В XIII веке на изнемогавшего русского эгрегора Гagtунгром направляется тёмноэфирный гигант-чудовище: воинствующий уицраор монгольского племенного массива. Я не знаю, роковой ли ошибкой демиурга Дальнего Востока или другими причинами он был порождён, но рост его был фантастически быстр, а алчность неутолима. Жертвой этого существа сделалась сама монгольская метакультура, слишком юная, с едва ещё возникавшим синклитом, а теперь втягиваемая в воронку метаисторических замыслов Противобога. Демонический разум теперь играл в беспронгрышную игру: русская метакультура либо рухнула бы под напором более сильного врага, либо Яросвет оказался бы вынужден противопоставить уицраору Монголии подобное же чудовище, дабы оградить само физическое существование русского народа. Это – первый могучий удар, обрушиваемый на Русь Гagtунгром, и это – то самое метаисторическое событие, которое стоит за первой великой катастрофой нашей истории: нашествием татар.

Можно по-разному оценивать – и историки по-разному оценивают размеры социально-политического, культурного и нравственного урона, нанесённого России татарским игом. Рассматривая же события под метаисторическим углом, мы

were slowly emerging. Tornado-like vortices of Velga ripped this formation in its various parts every so often while the onslaught of Polovtsian, Lithuanian, and Polish egregors had constantly changed its outlines shattering its whole being and severing some of its fragments into flawed, illusively independent existence.

It was a feeble being incapable of effectively resisting neither Velga, nor steppe tribes' egregors.

In the 13th century, Gagtungr charged the emaciated Russian egregor with a dark-ether massive monster: the belligerent witzraor of Mongolian tribes. I know not whether it was a fatal mistake of the Far East demiurge or some other reasons had brought it to life, but its growth was remarkably rapid, and its avarice – unquenchable. The too young Mongolian metaculture which synclite had been only emerging was an easy prey for this creature now being pulled into the vortex of the Antigod's metahistorical schemes. The demonic mind was playing a foolproof game: either the Russian metaculture would have been crushed by a more powerful enemy, or Yarosvet would have had to repel the Mongolian witzraor with a similar monster so as to save the very physical existence of the Russian people. This was the first mighty blow Gagtungr threw at Russia, and this was precisely that metahistorical event lying behind the first major catastrophe in our history – the invasion of Tatars.

There could be different estimates, and historians do evaluate differently the scale of socio-political, cultural, and moral damage inflicted by the Tatar yoke upon Russia. Looking at the events from the metahistorical angle, we can only complement the tenets of the

можем дополнить положения исторической науки лишь следующим указанием: воздействие сил Велги, столь бурно проявлявшееся в княжеских усобицах, расчистило путь для другой, более могущественной силы, причём обе эти группы сил являлись, в конечном счёте, проявлением воли одной и той же инфрафизической инстанции. То, что расшатала Велга, должен был сокрушить монгольский уицраор; если же это не удалось бы до конца и ему – осталось бы в запасе другое оружие, которое должно было развернуть свою деятельность в другие времена и другими методами: чёрное ядро в существе будущего русского уицраора.

Действительно: под ударами монгольского чудовища русский эгрегор был смят, полурастерзан на клочья, едва сохранявшие в себе жизнь и способность к будущему воссоединению. Кароссе Дингре был нанесён ущерб, который – если бы речь шла о существах физического плана – можно было бы сравнить с истеканием кровью. Сам Ярослав был побеждён в бою с монгольским гигантом на границах Святой России; юному, ещё не окрепшему и малочисленному синклиту едва удалось спасти от разрушения лишь сокровеннейшие святилища своей небесной страны.

Спасаемая демиургом, Навна была удалена из опустошаемой южной области Святой России в недоступные девственные земли, соответствующие дремучим северным лесам в Энрофе. Туманные сгущения израненного, полуразорванного эгрегора облекали нищенским рубищем её новое средоточие. Напор врага не ослабевал: насытившаяся Велга уползла в свою Гашшарву, но монгольский уицраор то и дело проносился, подобно урагану, по небесной стране, гася огни, иссушая метаэфирные источники, а в России земной размётывая ту живую материальную субстанцию сверхнарода, из которой образуются эфирные тела всех отдельных членов его и без которой невозможна жизнь в Энрофе не только народа, но и отдельного человека. Становилось ясным, что выполнение задач, ради которых

historical science with the following indication: the influence of Velga in princes' boisterous discords cleared the way for a mightier power, and both these clusters of forces were, ultimately, the manifestation of the very infraphysical hierarchy's will at that. What had been shattered by Velga was to be further crushed by the Mongolian witzraor; had he not succeeded fully in that, there would have been another instrument in store to pursue his activities in other times with other methods: the black core in the coming Russian witzraor's being.

Indeed: hammered by the Mongolian monster, the Russian egregor was smashed, half-shredded, and barely alive having a long way to go to stitching together. Karossa Dingra suffered a damage comparable to bleeding if translated to physical terms. As for Yarosvet, he was defeated in the battle with the Mongolian giant on the borders of Holy Russia; the young, frail, and small-in-numbers synclite hardly preserved from destruction the most dearly held sanctuaries of its heavenly country.

Having been saved by the demiurge, Navna was removed from the ravaged southern region of Holy Russia into unreachable pristine lands corresponding to the deep boreal forests in Enrof. Misty condensations of the wounded, half-shredded egregor clothed her into beggarly tatters in her new dwelling. The enemy's onslaught didn't remit: the satiated Velga had crawled back into her Gashsharva, but the Mongolian witzraor swept every so often across the heavenly country like a tornado putting out lights, drying up metaethereal wellsprings while, at the same time, dispersing the living material substance of the suprapeople in Russia that forms ethereal bodies of each and every its member and which is essential to life in Enrof overall and of every human being in particular. It was becoming clear that the fulfilment of the tasks which the lightful

светлая диада приняла эфирное воплощение, неосуществимо до тех пор, пока Дингра не воссоздаст народную плоть; пока сильнейшему орудию Гагтунгра не противопоставлен противник в том же плане бытия: могущественный, полновластный демон государственности. Перед демиургом сверхнарода встал выбор: либо создание левиафана-государства в Энрофе и допущение, следовательно, возникновения российского шрастра, населённого игвами; либо отказ от выполнения своей миссии на земле. Он избрал первое.

Очевидно, демиургу, ещё не отграничивавшему идеального народоустройства как отдалённого долженствования от государства как реальной возможности, уяснялась категорическая необходимость этого последнего – необходимость государства, и притом непременно очень сильного, в качестве формы сверхнарода, единственно способной оградить его физическое бытие, защитить от центробежных внутренних сил – проекций Велги и от нападений извне – проекции сегодня уицраора Монголии, а завтра какого-нибудь ещё. Кто знает, сливалась ли у Яросвета идея о необходимости сильного государства с представлением об идеальном народоустройстве, которое должно было быть плодом его грядущего брака с Навной. Понимал ли он со всею ясностью, что, нисходя к кароссе Дингре в качестве отца их общего детища, порождая от неё уицраора и обрекая Навну на плен в глыбах грядущей государственности, он отодвигает день своего брака с Навной в непредставимую даль веков? – Так или иначе, каросса Дингра породила первого из уицраоров России, несущего в себе, вместе с материнской кровью, проклятое эйцехоре. Не ясно ли, что это значит?

Ваятельница физической субстанции сверхнарода рождает демона великодержавия от двух начал: от демиурга сверхнарода и от того, кто некогда вторгся в плоть стихии Лилит: Гагтунгра. Таким образом, эйцехоре должно было стать своего

dyad had taken their ethereal incarnation for was impossible until Dingra would regenerate the people's flesh; until Gagtungr's mighty weapon wouldn't be countered with an opponent from the same existential plane: a powerful demon of statehood. The demiurge of the suprapeople was faced with a choice: either to create a leviathan-like state in Enrof, hence letting the Russian shrastr inhabited with igvas emerge; or to withdraw from his mission on the Earth. He chose the former.

Evidently, the demiurge who still saw to-be ideal societal order coexisting with the state as a viable possibility had realized the utmost necessity of the latter – the state was essential, and by all means it had to be very powerful, as it was the only way the suprapeople could protect its very physical existence, whether it be protection from centrifugal forces from within like Velga's encroachments or invasions from without like the Mongolian witzraor at the time or from somebody else in the future. Only God knows if Yarosvet's idea of a strong state being a major prerequisite was merging into his designs for the ideal societal order, a to-be fruit of his future marriage with Navna. Did he understand with full clarity that by having descended to karossa Dingra as the father of their mutual child, begetting a witzraor from her, and dooming Navna to captivity in the massif of the coming statehood, he delayed the day of his and Navna's wedding to unimaginably distant times? Thus or otherwise, karossa Dingra begot the first Russia's witzraor carrying in him, together with the mother's blood, the accursed yetzerhara. Isn't it clear what it all meant?

The molder of the physical substance of the suprapeople gave birth to the demon of greatpowerness from two principles: the suprapeople's demiurge from one side and the one who had once intruded into the flesh of elemental Lilit, Gagtungr, from the other.

рода проклятием, довлевшим над российской государственностью и фатально искажавшим осуществление русским народом его мировой миссии.

Мог ли Ярослав избежать рождения демона великодержавия? Мог ли охранить физическое бытие сверхнарода каким-либо иным путём? Не подтверждают ли примеры других культур, что уицраоры суть неизбежные участники всякого метаисторического процесса, его неизбежное зло, внутреннее противоречие?

Но затем и позаботился Гагтунгр о рождении этой расы трансфизических чудищ в Вавилонии. Возникло нечто вроде цепной реакции: каждый демиург любой метакультуры оказывался вынужденным противопоставить злобному разъярённому врагу точно такого же защитника. Защитник, в свою очередь, перерастал в нападающего хищника и этим вызывал необходимость для демиургов соседних метакультур повторить то же самое. Уицраоров теперь лишены только небольшие нации, входящие в состав сверхнарода, но не сам сверхнарод. Со времён Вавилона метакультур без уицраоров не существует.

Что касается Яросвета, то воспламенённость своей мечтой препятствовала ему различить законы перспективы в этом новом для него мире исторической действительности. Он не умел ещё проводить точную грань между реальной государственностью и идеальным народоустройством, между созданием государства и конечной целью своего брака. Только с мучительным опытом жизни и творчества могла прийти к демиургу та мудрость, которая научила бы его отслаивать близкое от далёкого, ныне возможное от должствуемого предела. Самая природа государства была ему ещё непонятна, и вряд ли он отдавал себе отчёт в непримиримости самодовлеющего государственного

Thus, yetzerhara was to become a curse of sorts weighing upon the Russian statehood and fatally distorting the Russian people's implementation of its global mission.

Could have possibly Yarosvet avoided having the demon of greatpowerness born? Could have he protected the physical existence of the suprapeople in some other way? Don't other cultures' examples show witzraors unavoidably taking part in all metahistorical processes and being their indispensable evil and inner contradiction?

That is why Gagtungr had seen about the birth of this transphysical monsters' race in Babylonia. A chain reaction of sorts ensued: every demiurge in his metaculture was forced to counter the fierce malicious enemy with exactly the same defender. In his turn, the defender outgrew into a rapacious predator thereby spurring demiurges from neighboring metacultures to do likewise. Now, only small nations forming parts of the suprapeople, unlike the suprapeople itself, have their own witzraors not. From the time of Babylonia, there haven't been metacultures without them.

As for Yarosvet, his infatuation with his dream prevented him from paying heed to the laws of perspective in the world of the new historical reality. He couldn't draw yet a clear line of distinction between the real statehood and ideal societal order, between creating a state and the ultimate goal of his marriage. Only painful life experience along with acts of creativity could give the demiurge the wisdom to peel off the near from the faraway, the then feasible from due limitations. The very nature of statehood was yet to be comprehended by him, and he was barely aware of the irreconcilability between the dominating principle of statehood and the ideal societal order. Nor did he understand that this societal order

начала с идеальным народоустройством, равно как и в том, что это народоустройство может быть осуществлено лишь в отдалённом будущем, когда физическая сохранность сверхнарода будет обеспечена объединением человечества в единый монолит.

Но дело в том, что народоустройства могут быть нескольких типов, и понять различие этих типов – в высшей степени важно. Разумеется, прилагаемая таблица даёт лишь несколько самых главных типов их, не имея ничего общего с попытками исчерпать всё их многообразие и опуская множество переходных или недостаточно определённых форм.

1. Жидкое состояние государственности. Зачаточность централизующей государственной власти. Постоянные столкновения слабо организованных составных единиц между собой. Могущество племенных эгрегоров и вампирических образований типа Велги. Воздействие диады сверхнарода, весьма ещё юной, преимущественно на эстетическую и религиозную сферы сознания.

Примеры: Египет эпохи номов, ведическая Индия, Греция эпохи полисов, Европа в раннее средневековье.

2. Твёрдо-вязкое состояние государственности, достаточно мягкой для преобразующей работы. Ограничение тиранических тенденций равновесием социально-политических сил. Государственное водительство осуществляется демиургом через эгрегоры. Его брак с Идеальной Соборной Душой.

Примеры: Египет до Тутанхамона, буддийские государства Индии и Юго-Восточной Азии, империи Тан и Сун в Китае, Афины времён Перикла.

3. Крайне твёрдое состояние государственности. Деспотическая держава-колосс. Тирания демона великодержавия. Сохранность эфирного воплощения Соборной

could be established only in the far future when the physical preservation of the suprapeople would be warranted with the unification of humanity into a single monolith.

The matter is that societal order can be of different types, and to differentiate across them is essential. The attached table outlines only several major types and, certainly, is far from exhausting all the variety of them including some transitory or vague forms.

1. Liquid statehood: rudimentarily centralized state power; constant clashes among weakly organized constituents; a great weight of tribe egregors and vampirical formations like Velga; the influence of rather youthful dyad of the suprapeople primarily upon the ethical and religious aspects of consciousness.

Examples: Egypt in times of nomos, Vedic India, Polis Greece, the Middle Ages Europe.

2. Solid-viscous statehood, rather malleable to the transformational work: limitation of tyrannical tendencies through the equilibrium of socio-political forces; the guidance of state is carried out by the demiurge through egregors; his marriage with the Ideal Collective Soul.

Examples: pre-Tutankhamun Egypt, Buddhist states of India and the Southeast Asia, Tan and Sun empires of China, Athens in times of Pericles.

3. Extremely solid statehood: a despotic state-colossus; the tyranny of the demon of greatpowerness; highly limited ethereal incarnation of the Collective Soul, that is, her entrapment in the massif of

Души, но крайнее сужение её свободы действий, то есть её плен в глыбах государственности. В конце этой стадии, а иногда и раньше демиург снимает свою санкцию с демона государственности.

Примеры: великие империи-тирании, Ассирия, Карфаген, Рим, Багдад, империи Чингиз-хана, Тамерлана, Испания XVI века, Британия XVIII-XIX веков, империя Наполеона, государство Гитлера и т. п.

4. Иерократия. Захват эгрегором церкви державотворящих сил. Либо перерастание его в схожее с уицраорами вампирическое чудовище, заявляющее всемирные претензии и переносящее своё обиталище из сакуалы эгрегоров в Гашшарву (папство в конце средних веков); либо – замыкание в этнических границах и высасывание внутренних источников (Тибет). В первом случае – борьба с ним диады сверхнарода и синклита, при этом восстающих даже на искажаемый миф международной религии. Во втором случае – ограничение свободы действий светлой диады инфрафизикой метакультуры, с одной стороны, силами Наивысшего Трансмифа международной религии – с другой.

5. Раздробленность единого устройства сверхнарода на множество твёрдых государственных единиц. Развитие локальных сил, вырвавшихся из-под контроля иерархий. Ослабление активной творческой силы последних. Состояние Соборной Души, схожее с состоянием глубокого недуга.

Примеры: Средиземноморье в IV-V столетиях н. э.; мусульманские страны после халифата; Германия после Тридцатилетней войны.

6. Чуженародное порабощение. Народоустройство, превратившееся в орудие других иерархий, преследующих свои, не имеющие отношения к данному сверхнароду, цели. Положение Соборной Души, равнозначное состоянию рабства.

statehood; at the end of this stage or sometimes earlier, the demiurge revokes his authorization from the demon of statehood.

Examples: great tyrannical empires, Assyria, Carthage, Rome, Baghdad, empires of Genghis Khan, Tamerlane, the 16th century Spain, Great Britain of 18-19 centuries, Napoleon's empire, the state of Hitler, and so on.

4. Hierocracy: the captivation of state-creating forces by the church egregor; either its outgrowing into a witzraor-like vampirical creature having global claims along with lodging out of the egregor sakwala and into Gashsharva (papacy at the end of the Middle Ages), or self-isolation within ethnical boundaries while draining the inner wellsprings (Tibet). In the former case, the dyad of the suprapeople and synclite would fight with it, even if it is a distorted Global Religion Myth. In the latter, the lightful dyad would be limited with the infraphysical bounds of the metaculture from one side and the forces of the Highest Transmyth of the Global Religion from the other.

5. Fragmentation of a single suprapeople into a host of solid state units: development of local forces that have broken free from the hierarchies' control; weakening of creative powers of the former; the state of the Collective Soul not unlike that of a serious ailment.

Examples: the Mediterranean in 4-5 centuries AD, Muslim countries after the Khalifate, Germany after the Thirty Years' War.

6. Subjugation by another people: the societal order is exploited by other hierarchies for their own purposes unrelated to the given suprapeople; the Collective Soul's state equivalent to enslavement.

7. Государственное устройство смягчённого типа, созданное при условии социально-этической зрелости сверхнарода и отсутствия внешней угрозы. Подчинение государственного начала непосредственно силам демиурга. Начало отмирания принципа насилия. Открывающаяся перед иерархиями возможность подготовки идеального народоустройства. Положение Соборной Души как супруги демиурга.

Примеры: к настоящему моменту этот тип достигнут только в отдельных небольших странах, в наиболее чистом виде – в Скандинавии, Швейцарии. Можно надеяться, что в будущем этот тип приобретёт сверхнародные масштабы, лишь при которых и возможны сверхнародные метакультурные плоды его.

8. Межсверхнародное объединение. Пока мыслимая лишь теоретически государственная формация, переходная к планетарному объединению. Сотворчество демиургов.

9. Идеальное народоустройство. Упразднение государства. Превращение государственного строя человечества в братство. Совершенное устройство общества, только в которое и может быть принято рождаемое иерархиями эфирное выражение Вечной Женственности

То, что ясно теперь, не могло быть ясно тысячу лет назад даже демиургу. Союз его с Дингрой и рождение уицраора воздвигли между Яросветом и Навной длительную преграду. И хотя понять тогда же весь многозначный смысл происшедшего было ещё вне возможностей демиурга, но уяснялось, что эта преграда падёт и в их браке откроется возможность творческого осуществления их задачи лишь тогда, когда совершённая ошибка будет искуплена, то есть последствия её исчерпаны; начинала приоткрываться и ужасающая своей длительностью даль этого искупления. Происшедшее явилось могучим толчком к его духовному возмужанию. Первое столкновение с исконным

7. Statehood of a moderate type given socio-ethical maturity of the suprapeople and no external threat: subordination of the state principle directly to the demiurge; the beginnings of the non-violence principle; a possibility of preparation for the ideal societal order opening up to the hierarchies; the Collective Soul being the demiurge's wife.

Examples: at the moment, this type has been achieved only by few small countries, Scandinavia and Switzerland being the purest examples. It is hoped that this type will reach the suprapeople scale in future which is the only possible way for the suprapeople's metacultural fruits to ripen.

8. Inter-suprapeople unions: a transitory statehood form of the planetary union conceivable only theoretically at present; co-creativity of demiurges.

9. The ideal societal order: the abolition of statehood; transformation of the state system of humanity into brotherhood; the ideal organization of society as the only vessel for the ethereal expression of Eternal Femininity being brought into the world by the hierarchies.

What has now become clear couldn't have been as evident to the demiurge a thousand years ago. His union with Dingra and the witzraor's birth erected a long lasting barrier between Yarosvet and Navna. Although the multifold significance of what had happened was beyond the demiurge's foresight, it was becoming clear that the barrier would ultimately fall, and their marriage would see a creative materialization of their task only upon redeeming the committed mistake or, in other words, when its consequences would come to an end; the formidable longevity of this redemption was beginning to dawn. What had been done came as a major stimulus to his spiritual maturation. The first collision with the archenemy of the citadel of

врагом светлого стана открыло перед демиургом воочию ту глубину мирового дуализма, неразрешимость которого он раньше не постигал. Жгучая скорбь, свойственная осознанию первой большой жизненной неудачи, охватывала его; лишь теперь становилась понятной трагедия демиурга Византии и возможность крушения, только в ещё больших, уже всемирных масштабах, подстерегающая его самого.

Положение усложнялось ещё тем, что рождение и детство уицраора видимым образом оправдывали совершённое: демон государственности оказывался именно той силой, в которой нуждался сверхнарод для обороны против Велги и чужеземных уицраоров.

Область сильнейших инспираций Первого Жругра в Энрофе определилась в некоторой географической области, на берегах Москвы-реки, и здесь берёт начало процесс концентрации и воспитания сил метакультурной и исторической самообороны.

Это был один из тех редких (в жизни любого народа) периодов, когда силы, различнейшие по своей природе, своим иерархическим ступеням и по своим целям, скрестили свои усилия в общем труде.

Глубоко значительным предметом созерцания для метаисторика остаётся тот процесс, в котором мыслимо появление личностей, подобных Александру Невскому, чью мудрость и волю укреплял демиург, чистоту замысла блюла Навна, ваятельница народной плоти подготавливала чреду его преемников, демон великодержавия укреплял силу его меча, а силы христианского Трансмифа берегли его своим покровом, сотканным из светлого эфира народных молитв, мученичества погибавших в бою или в татарской Орде и духовного делания светочей церкви. Недаром его смерть отозвалась волнами скорби

Light revealed the whole depth of the world duality to the demiurge which insolubility he hadn't comprehended before. He was beset with poignant grief, an all too natural outcome of realizing the first big failure in life; only then he began to understand the tragedy of the demiurge of Byzantium and a looming possibility of his own collapse but on a much greater, global scale.

This state was aggravated by the fact that the witzraor's birth and childhood apparently justified the means: the demon of statehood proved to be a potent force in the suprapeople's fights with Velga and foreign witzraors.

The area of the most powerful inspirations of the First Zhrugr in Enrof was bound to a certain geographical location, on the banks of the Moskva River, and it became a focal point for the concentration and cultivation of powers of the metacultural and historical self-defense.

It was one of those rarest periods (in life of every people) when forces varying in their very essence, hierarchical levels, and purpose became interlaced in the common work.

A process worth an in-depth contemplation by a metahistorian is one of those that made possible the emergence of personalities like Alexander Nevsky whose wisdom was bolstered by the demiurge, the purity of his intentions was preserved by Navna, the lineage of his successors was arranged by the molder of the people's flesh, the demon of statehood reinforced his sword, and the powers of the Christian Transmyth safeguarded him with its veil weaved out of the light ether from people's prayers, the martyrdom of those killed in battles or in the Tatar Horde, and spiritual doings of church beacons. It's no coincidence that his death had sent ripples of grief across the

по всей стране, а в позднейшие времена самые непримиримые движения народного духа видят своего далёкого предшественника в этом родомысле.

Никогда (по отношению к первому иудеору) не сказывалась в ряде исторических фактов столь отчётливо благословляющая этого демона деятельность демиурга, как в той горячей помощи, которую оказывали великим князьям московским пастыри России – главы церкви; в том оправдании ими дела собирания Руси высшей национально-религиозной и нравственной целью, которое как бы осенило это общерусское движение хоругвью церковного авторитета. Этот ряд явлений, столь ярко сказавшийся в деятельности великих московских митрополитов, достигает наивысшей выразительности в благословении Дмитрия Донского на битву с татарами величайшим святителем тех времён и в личности инока Пересвета, открывшего Куликовское сражение своим единоборством с татарским богатырём.

Когда определилось географическое средоточие Российской метакультуры, естественно и неизбежно этот национальный духовный очаг и цитадель государственности должен был увенчаться физическим подобием вершины сверхнародного трансмифа: Кремлём Земным. Даймоны и другие силы демиурга, ниспосылавшиеся им к душе, разуму и воле московских князей и митрополитов, иноков и бояр, зодчих и иконописцев, прославленных и безымянных, приоткрывали им те образы Небесной Руси и Фонгаранды, которые ждали своего отражения в камне и кирпиче. И это отражение стало возникать: медленно, трудно, из года в год и из века в век, утяжелённое, беспорядочное, вечно перестраивающееся, искажённое случайностями, калечимое пожарами, нападениями чужеземцев и произволом властей, с золотым венцом царства – на челе, с клеймом рабства и ранами мученичества – на лице, – и всё же прекраснейшее из всего, что было возможно при духовном и

whole country, and the most uncompromising movements of the national spirit would see this kin-guardian as their faraway predecessor in times to come.

Never again (this concerns the first witzraor) the historical facts would show as clearly the demiurge's patronage over this demon as in the ardent support coming from the shepherds of Russia, the church leaders, to grand princes of Moscow; in the justification of the gathering of Russian lands as a supreme national-religious and moral goal and all-Russia movement as though blessed with the gonfalon of the church authority. This host of phenomena reflected in the activities of great Moscow patriarchs culminated in the blessing of Dmitry Donskoy for his battle with Tatars by the greatest beacon of that time and in the personality of monk Peresvet who started the Kulikovo Battle by having wrestled with a Tatar athlete.

When the geographic center of the Russian metaculture was localized, it was only natural and inevitable for this national spiritual hotspot and citadel of statehood to be completed with a physical semblance of the suprapeople transmyth's crown: the physical Kremlin. Daemons and other forces of the demiurge were being sent down to inspire souls, minds, and willpower of Moscow princes and metropolitans, monks and boyars, architects and icon-painters, celebrated and anonymous alike – these forces revealed to them those images of Heavenly Russia and Fongaranda which were to be reflected in stone and brick. And this reflection began to emerge: slowly, laboriously, from year to year, from century to century, becoming more burdensome, haphazard, constantly being rebuilt, distorted with contingencies, crippled with fires, foreign invasions and arbitrariness of authorities, with a golden diadem of czardom on the head, with a brand of slavery and martyrdom wounds – on the face... yet, the most magnificent of all given the spiritual and

материальном уровне русского средневековья.

material level of the Russian Middle Ages.